

А. Е. Лаптева¹**ЦЕННОСТЬ ПРАВА В РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТРАДИЦИИ**

Понятие права всегда связано с категорией свободы (мера свободы), поскольку его нормы определяют должное поведение участников общественных отношений. При этом связь права и свободы может толковаться по-разному. История России дает нам пример того, как на протяжении веков причудливо переплетаются и конкурируют две основные традиции в понимании и оценке смысла и социальной значимости права. Различие между ними как раз в том, какое значение придается свободе индивида, доминирует ли в его статусе комплекс прав или обязанностей, рассматривается ли право как критерий оценки закона и, следовательно, как инструмент, способный ограничить произвол органов государственной власти. Эти две традиции актуальны и по сей день, в своем взаимодействии и противопоставлении они формируют общий вектор эволюции права в России. Но только одна из них может быть названа истинно правовой.

Эпоха глобализации усложнила картину, поскольку поставила вопрос о том, насколько угрожает суверенитету отдельно взятого государства следование в русле навязываемой извне традиции. Поэтому в переживаемый нами исторический момент трудно говорить о приближении к международной интеграции взаимопонимания и унификации правового мышления. Очевидный кризис правового мышления, переживаемый сейчас в мире, ставит под вопрос актуальность идеи глобализации права. Слишком очевидны ценностные различия между условными Востоком и Западом, усугубляемые жестким прессингом, навязчивым внедрением собственных представлений о должном со стороны развитых стран Европы и США. Покушение на государственный суверенитет развивающихся стран (прежде всего тех, в чьей традиции принцип персональной свободы выражен слабо) посредством экспорта «общечеловеческих» ценностей в европейском понимании приводит в большинстве случаев к отторжению, в результате чего обесцениваются, воспринимаются как воплощенное лицемерие такие понятия, как «либерализм», «демократия», «права человека». Кризис идеи прав человека, к сожалению, очевиден и на Западе. Особенно ярко он проявился в связи с провалом политики мультикультурализма. Консерваторы вспоминают теперь, что о вредоносных последствиях реализации идеи прав человека говорила еще Маргарет Тэт-

чер, которая видела в ней потенциальное потворство международному терроризму. Мы входим в эпоху нового правового партикуляризма, актуализации систем права (точнее, законодательства), которые основаны на религиозных принципах и имеют целью не защиту свободы от произвола, а безопасность социума. Впрочем, кризисы проходят, и нельзя допустить, чтобы из-за них в России тоже была отринута идея права, которая в ее непозитивистском понимании есть, что бы ни говорили, идея свободы, а значит, прав человека.

Скатывание России в несвободу во имя порядка было бы тем более обидно, что Русь изначально развивалась в русле общеевропейской традиции, где индивидуальная свобода не поглощалась правами коллектива. В обществе интуитивно осознавалась ценность права как социального регулятора, о чем косвенно свидетельствуют схожие западноевропейские и древнерусские сборники обычаев. С самого начала право бытовало в форме обычая, определявшего правила взаимоотношений между свободными субъектами на основании принципов формального равенства, эквивалентности и соразмерности. Эта традиция не забыта и теперь. Проблема лишь в том, что из области отношений между индивидами право так и не перешло в сферу отношений между гражданином и государством.

Здесь большую роль сыграла другая традиция: во времена монгольского владычества доминирующим моментом в регулировании жизни социума стала не свобода, а долг перед обществом, которое постепенно отождествляется с государством в лице монарха. В контексте долга начало восприниматься в народном сознании и право, которое теперь рассматривалось как вознаграждение, привилегия индивида, полученная им за должным образом исполненные обязанности перед государством. В терминологии Н. Н. Алексеева это «тяглое» государство². То есть правом стали называть другое социальное явление. Самое трагичное, что эта конструкция прижилась и слишком долго блокировала путь к ограничению произвола государства в отношении прав граждан, прежде всего на жизнь и свободу. Даже после проведения модернизации либерального образца принцип неприкосновенности личности и имущества не нашел должного закрепления в российском законодательстве.

Становление теории права и формирование юридического сословия в России было подчинено именно второй традиции. Поэтому даже после «Великих реформ» (1860–1870-е гг.) в первую очередь развивалась теория государственного права в смысле права (закона), создаваемого государством. В итоге и общая теория права строится преимущественно на основе правового этатизма. Само право понимается как совокупность норм, установленных и защищаемых государством. В принципе, подобное понимание права в России до сих пор характерно не только для обыден-

¹ Заведующая кафедрой истории права и государства юридического факультета им. М. М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «История права и государства России», «Земские учреждения в России», «Административная политика в Российской империи XIX века», «Проблема адекватности сравнения в исследованиях по истории отечественного государства и права», «Исторические формы правового общения», «Несостоявшийся опыт демократии в России», «Может быть народ без конституции, но не может быть Конституция без Народа», «Правовая культура пореформенной России и ее отражение в законодательстве» и др. Член Президиума Российского историко-правового общества.

² См.: Алексеев Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. М., 1998.

ного, но и для профессионального правосознания. Так, Г. Ф. Шершеневич — один из ведущих дореволюционных цивилистов и теоретиков права, считал государство единственным источником права¹. Как последовательный позитивист, он утверждал, что отличительной чертой права, понимаемого как совокупность норм, установленных государством, является его принудительный характер. Спустя почти век С. С. Алексеев по-прежнему исходил из представления о праве как «системе установленных законом юридических норм»².

Этатизация сознания неизбежно привела русскую науку к увлечению идеями солидаризма. В солидарном государстве доминирует долг, а свобода личности рассматривается не как ее приращенное право, а как общественная обязанность, которая имеет лишь функциональную ценность, обусловленную и оправданную началом служения. Современный солидаризм по-прежнему исходит из «понимания ценности человеческой личности, устремленной к творческому служению надличным ценностям»³ (семья, государство, Бог). В солидарном государстве внутренние групповые противоречия преодолеваются за счет добровольного отказа от личных прав в пользу общественных интересов. В традиционном народном сознании место права часто занимает идея справедливости (понимаемой именно в духе солидаризма) как отказа от личных прав в пользу целесообразности или уравниловки во имя интересов социума, что не имеет ничего общего с идеями свободы или формального равенства.

Нельзя, конечно, утверждать, что русскому сознанию чужды идеи правовой свободы. Обвинение народа в неизбывном правовом невежестве и нигилизме отчасти объясняется еще одной традицией: с начала XIX века в среде юристов и новой элиты государственной службы постепенно формировался (и сохраняется доселе) выраженный «юридический снобизм». Находящиеся на государственной службе лица с юридическим образованием считали себя причастными к особому знанию, которое выделяло их из круга остальных управленцев. Кроме того, «большинство правоведа и юристов полагали, что закон — это система идей и правил, которым следует обучать крестьян, и что люди, не получившие формального образования, не могут “понять” закон и иметь правовое сознание»⁴. Иными словами, пораженное правовым нигилизмом население рассматривается как неразумный объект управления, что очень удобно.

Между тем правовой нигилизм россиян сильно преувеличен. В отношениях с внешним по отношению к общине миром вчерашние крепостные крестьяне ценили возможности, которые давало им гражданское законодательство, и понимали необходимость его

использования. Поэтому совсем другой подход наблюдался в случаях, когда крестьяне имели дело с помещиками и правительственными чиновниками. Они активно стремились пополнить свои знания о законах, расспрашивали писцов и канцеляристов, при случае даже в столицах⁵, причем интересовались законами целенаправленно и «нужные» положения использовали при составлении челобитных.

Но при этом сохранялось традиционное и во многом оправданное представление о том, что судьи кормятся от должности, ищут свой прибыль. Этот взгляд на суд зародился на заре Московского царства, когда судебно-административные должности действительно носили характер «кормления». Тогда и были сложены поговорки: «С сильным не борись, с богатым не судись»; «Правда да суд рядом не живут»; «Где деньги говорят, там правда молчит»; «Не всякий судит по праву, иной и по нраву». Восприятие суда как учреждения, где не стоит искать справедливости, не смогла переломить даже судебная реформа 1864 года.

Ценность юридических знаний очевидна и современному российскому обывателю. Другое дело, что за прошедшие 150 лет судебные и бюрократические процедуры настолько усложнились, что теперь мало кому удастся отстоять свои права и интересы без профессионального адвоката. При таком состоянии народного правосознания неудивительно, что естественно-правовое правопонимание, которое лежит в основе идеи прав человека, приживалось в русской юридической науке с трудом. Не случайно в начале XX века Б. А. Кистяковский отмечал, что идея права никогда не была популярна в широких кругах российского общества⁶. Удивительно легко эта идея была оставлена и надолго ушла из обихода в годы советской власти. В современной российской юриспруденции линия на различение права и закона получила логическое развитие в либертарно-юридической теории академика В. С. Нерсесянца, в рамках которой под сущностью права понимается принцип формального равенства, раскрываемый автором как триединство равной меры, свободы и справедливости⁷. Право должно стать важнейшим критерием оценки законодательства.

Не исключено, что некоторый компромисс между двумя традициями будет найден на почве юридикации, отыскания правового начала в идее социальной справедливости. Едва возникнув, она не рассматривалась в качестве правовой. В свое время в полемике с социалистами на эту тему активно участвовал Б. Н. Чичерин: признавая формальное равенство граждан (поданных) перед законом, он категорически отрицал возможность и правомерность равенства фактического, особенно «немыслимого материального равенства». Чичерин сформулировал очень сильную максиму: «Уравнивать материально можно только рабов, а не свободных людей»⁸. Интересно, что в современной России доля лиц, отрицающих ценность имущественного равенства, составляет почти треть населения (в два раза

¹ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Т. 1. С. 300–315.

² Алексеев С. С. Правовое государство — судьба социализма. М., 1988. С. 134.

³ Основы программы Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС). URL: <http://solidarizm.ru/prog.shtml>

⁴ Бурбанк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России). СПб., 2004. Ч. 1. С. 155.

⁵ Громько М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 240–244.

⁶ Кистяковский Б. А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Интеллигенция. Власть. Народ. М., 1993.

⁷ Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2006. С. 30–47.

⁸ Чичерин Б. Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 115.

выше мирового показателя)¹. Возможно, этот интересный факт объясняется еще не совсем изжитыми воспоминаниями о том, насколько эффективно работала уравниловка при социализме.

Однако (не без влияния советских реалий) вторая половина XX века ознаменовалась конституционализацией социальных прав в мире. Это дало основание говорить о том, что и эти права имеют под собой правовые, а не только нравственные и политические основания. Вряд ли это означает полноценную правовую природу социальных прав, но все же «предполагает наличие такого признанного на уровне доктрины понятия “социальное право человека”, которое представляло бы собой надлежащую теоретическую конкретизацию общего понятия права и соотносилось бы с последним по логике соотношения общего и особенного»². Социальные права носят характер компенсации, когда социально незащищенные члены общества получают привилегию, чтобы «дорастить» до того уровня, с которого реализация их правоспособности становится не только декларацией, но и возможностью. Такие права должны предоставляться в стро-

гом соответствии с правовым принципом формального равенства.

Действующая Конституция РФ определила правовую перспективу развития нашего общества, которая соответствует основной идее правовой глобализации и которой в целом придерживается российское законодательство. Однако Россия остается пока в ситуации выбора между правовым и неправовым путями развития. Последний представляется тем более соблазнительным, что прикрывается идеей солидарности, порядка и безопасности. Проблема в по-прежнему двойственном правосознании общества, из которого делегируются и те, кто призван управлять страной. Как и 500 лет назад, гражданин сознает свое формальное равенство с такими же рядовыми гражданами, но не хочет понимать, чем грозит ему отказ от ограничения правом органов государственной власти. Чем дольше большая часть общества будет оставаться в убеждении, что порядок выше свободы, тем вероятнее перспектива бюрократического произвола, которая возникает и реализуется в тот самый момент, когда человек выражает готовность поступиться своей свободой ради безопасности.

¹ Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. М., 2012. С. 331.

² Лапаева В. В. Право и политика : научные очерки. М. : РАП, 2009.